

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 428–443, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.82-16.398

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В калмыцком фольклоре жанр благопожелания чаю (*цээд тэвх йөрэл*) сопровождает многие обряды магической поэзии, направленные на здоровье, долголетие, благополучие, счастье человека, а также сохранение и процветание окружающего мира. Чай является одним из главных компонентов пищи — подношения духам предков и божествам, людям для исполнения благопожелания. В традиционной модели питания калмыков чай остается основным элементом. *Актуальность* статьи обусловлена малой изученностью авторского благопожелания чаю в калмыцкой поэзии XX в. *Цели и задачи* исследования определены выявлением таких примеров в жанровой парадигме, рассмотрении фольклорной традиции и новации, адекватности русского перевода. *Материалами* статьи стали репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов, адресованные чаю, созданные на калмыцком и русском языках, в том числе в русском переводе. *Методы* исследования базируются на историко-литературном и сравнительно-сопоставительном подходах для раскрытия связи фольклора и поэзии, преемственности данного жанра в литературном процессе Калмыкии. *В результате* выяснилось, что в калмыцкой поэзии благопожелания чаю в фольклорном аспекте, претерпев некоторые изменения, были созданы во второй половине прошлого века. *Выводы.* Благопожелания чаю в стихотворениях калмыцких поэтов характеризуются синтезом жанра, сюжетностью, включением пословиц и поговорок, фольклорных формул, восхвалением напитка, описанием его приготовления, главенствующей роли в традиционной модели питания народа.

Ключевые слова: благопожелание, жанр, обряд, калмыцкий чай, калмыцкая поэзия, фольклорная традиция, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 428–443. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

Tea Well-Wishes in 20th-Century Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* In Kalmyk folklore, the genre of tea well-wishes (Kalm. *цэд тэвх үйэрэл*) accompanies many rituals characterized by magic poetry and aimed to secure health, longevity, well-being, human happiness, as well as preservation and prosperity of the surrounding world. Tea is a major meal component to be offered to the spirits of ancestors, deities, and individuals for the fulfillment of well-wishes. In Kalmyk traditional meals, tea remains a basic element. The article is topical enough since tea well-wishes in 20th-century Kalmyk poetry are still somewhat understudied. *Goals.* The study seeks to identify related examples in terms of genre, consider the folklore tradition and innovations, analyze available Russian translations for adequacy. *Materials and methods.* The article focuses on representative Kalmyk- and Russian-language (including Russian translations) poems by Kalmyk poets addressed to tea. Methodology rests on historical-literary and comparative approaches to reveal the relation between folklore and poetry, the continuity of this genre throughout Kalmykia's literary process. *Results.* The paper attests to the bulk of poetic tea well-wishes — in the folklore aspect — underwent some changes and were created in the mid-to-late 20th century. *Conclusions.* Tea well-wishes in writings of Kalmyk poets are characterized by genre syntheses, certain plots, inclusions of proverbs and sayings, folklore formulas, praises to the beverage, descriptions of how it be cooked, and its leading role in the ethnic meals model.

Keywords: well-wishes, genre, rite, Kalmyk tea, Kalmyk poetry, folklore tradition, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Khaninova R. M. Tea Well-Wishes in 20th-Century Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 428–443. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

1. Введение

В традиционной модели питания монголоязычных народов чай занимает главенствующее место, определенное ранее экологической зоной проживания, скотоводческим типом хозяйствования кочевников, верованиями и обрядами [Викторова 1980; Жуковская 1988; Борджанова 1999; Борджанова 2007; Настинова 2014; и др.]. «Чай проник в Монголию из Китая в конце XVI — начале XII в. <...> Нередко в чай добавляли,

кроме молока, масло, соль, поджаренную муку, курдючное сало, пельмени, костный мозг барана, размельченное вяленое мясо» [Жуковская 1988: 75]. Чай входил в состав и будничной, и праздничной, и ритуальной пищи. По цветовой символике, освященной шаманскими верованиями, а затем, очевидно, переосмысленными и закреплёнными буддийскими канонами, у монголов еда делилась на белую, желтую, зеленую, красную и черную, соответственно чистую и

нечистую. К белой и чистой еде относились молоко и молочные продукты, к желтой и чистой — масло, к зеленой и чистой — корни и травы, к красной и нечистой — кровь, мясо и мясные продукты, к черной и нечистой — чай без молока, мясной бульон, чистая вода [Викторова 1980: 22]. Чай, следовательно, по его основным ингредиентам входит в состав белой пищи (монг. *цагаан идээ*; калм. *цаһан идэн*).

Цели и задачи исследования определены выявлением таких примеров в жанровой парадигме, рассмотрении фольклорной традиции и новации, адекватности русского перевода.

2. Благопожелание чаю в калмыцком фольклоре

Благодарное отношение к чаю у калмыков нашло отражение в устном народном творчестве: в эпосе, сказках, легендах, преданиях, пословицах, поговорках, загадках, адресованных этому напитку, в частности в благопожелании чаю — *цэгд тэвх йөрэл* [Джангар 1990; Обрядовый фольклор 1993; Хальмг улсин йөрэлмүд 2010; Пословицы, поговорки 2007; Пою степной нектар 2016; Мифы, легенды 2017].

Чай сопровождал многие календарные и семейные обряды в жизни народа, отражая благоговение перед этим напитком, происхождение которого по легендам связывали с буддийским священником, исцелившимся после тяжелой болезни при помощи чая или сотворившим его с помощью молитвы [Семь звезд 2004: 75–76; Мифы, легенды 2017: 162–165]. Так, в легенде «Зул» благодаря совету известного лекаря пить чай Зункава исцелился. «Божественный напиток, ниспосланный калмыкам, стал называться с тех пор калмыцким чаем или джомбой и считается первым угощением» [Семь звезд 2004: 75]. В «Легенде о калмыцком чае» («Хальмг цээнин туск тууж») говорится о том, что в одно из времен жил лама, который задумался над тем, как сделать людей сытыми и довольными, и решил силой молитв вырастить чай на калмыцкой земле. Узнав от мальчика, что благодаря молитвам через много дней появились невиданные цветы, лама произнес ему прекрасное благопожелание: *ут нас, бат кишг эдлх бол!* [Мифы, легенды 2017: 164], т. е. пожелал долголетия, благополучия, счастья. Эти

формулы частотны в благопожелании чаю.

Например, такой «Цээнин йөрэл» («Благопожелание чаю»): *Нэ, хээрхн, / Цэ шиңгн болв чигн / Идэнэ дееж болдг, / Цаасн нимгн болв чигн / Номин көлгн болдг. / Эн нерэдсн зандн улан цэгтн / Элвг хотынтн дееж болж, / Өгчэх күн өглһнэ эзн болж, / Уужах нанд аришан болж, / Иигжэ тосч-тэжэх эзн улс / Ут наста, бат кишгтэ болж, / Олн көгшдүдин наснд күрч, / Орчлңгин хормад багтжэ йовхиг / Олн бурхд өршэх болтха!* ‘О, милостивый, чай, хоть и жидкий, становится почетным угощением, бумага, хоть и тонкая, является основой книги. Этот сандалово-красный чай, став обильной пищей-подношением, полученный от гостеприимного хозяина, подобен для меня божественному напитку, пусть гостеприимные хозяева живут долго, пребывают в благополучии, достигнут преклонных лет, пусть будут к ним благосклонны боги’¹ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 58]. *Идэни дееж* означает «почетное угощение», ном имеет несколько значений: 1) наука; 2) грамота, учеба; 3) уст. рел. учение, канон; 4) уст. книга [КРС 1977: 194, 380–381]. Сначала приведена калмыцкая пословица: *Цэ шиңгн болв чигн идэни дееж, Цаасн нимгн болв чигн номин көлгн болдг.* ‘Как ни жидок чай — первое угощение, / Как ни тонка бумага — основа книги’² [Пословицы, поговорки 2007: 618]. Метафора «Орчлңгин хормад багтжэ йовхиг» передает пожелание благополучного существования в подоле Вселенной, т. е. в этом мире.

Благопожелания чаю звучат во время зимнего и весеннего праздников Зул и Цаган Сар. Например, «Зулын цээнин йөрэл» («Благопожелание чаю на Зул»): *Цаасн нимгн болвчн, / Номин көлгн. Цэ шиңгн болвчн, / Идэни дееж. / Ботхни жил харчана, / Олн-эмтн — цуһар өрк болһнар / Байрта, жсирһлтэ болх, / Цуг маһдуркмдн / Дүүгж-дүрклж бэгтхэ, / Эмтэ юмн һазр деер / Элвг-делвг жсирһлтхэ!* ‘Бумага, пусть и тонкая, основа книги. Чай, пусть и жидкий, почетное угощение. Пришел новый год, пусть люди, каждая семья будут радостны, счастливы, пусть все завтра пребывают в доволь-

¹ Здесь и далее смысловой перевод автора статьи.

² Здесь и далее перевод пословиц из издания [Пословицы, поговорки 2007] дан составителем указанной работы.

ствии, пусть все живое на земле благоденствует в мире и спокойствии» [Обрядовый фольклор 1993: 51]. Здесь также использована калмыцкая поговорка, воздающая почести чаю, затем звучат формульные пожелания счастья, благополучия, мира. Ср. в «Ирсн гиичин йөрэл» («Благопожелание гостям»), где в самом начале воздается должное не только чаю, но и кумысу (калм. чигэн): *Цэ-чигэн элвг-делвг болж* ‘Пусть будет у вас в изобилии чай и чигян’, а затем следует описание чаепития: *Улан зандн цээһэн уулдж* ‘Напившись красного сандалового чая’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 14]. Такое же начало в благопожелании сватам «Худрин йөрэл»: *Цэ-чигэнтн элвг-делвг болж, / Татв чигн, тасриго* ‘Пусть будет вдоволь у вас чая и чигяна, чтобы они не кончались (букв. метафорически: как бы ни тянули, не рвались)’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 14].

Как правило, любое значимое действие и событие начинается и отмечается приготовлением чая, высказыванием благопожелания.

Существует множество рецептов калмыцкого чая, основные названия которого различаются: чай без молока (*хар ца*), обычный чай (*ца*) и лучший чай джомба (*жомба*) [КРС 1977: 628, 232]. Превосходство чая показано в поговорке: *Жомбаһас оңдан хот уухшив, / Жораһас оңдан мөр унхшив* ‘Не хочу иного кушанья, кроме джомбы, / Не хочу ездить на иной лошади, кроме как на иноходце’ [Пословицы, поговорки 2007: 546].

Напиток с использованием главных ингредиентов — прессованного плиточного чая, воды, молока, масла и соли — иллюстрирован одной из загадок: *Деерэс ирсн дерсн-хурсн, / Дорас ирсн элвг хар, / Өңгинь ясдг өл буурл, / Амтинь ясдг амр цаһан, / Тавинь хээдг тарһн шар. (Цэ, усн, үсн, давсн, тосн).* ‘Сушеные листья и стебли, прибывшие сверху, / Обильное черное, прибывшее снизу, / Питательное белесое, придающее цвет, / Любимое белое, придающее вкус, / Жирное желтое, заботящееся об удовольствии. (Чай, вода, молоко, соль, масло)’ [Пословицы, поговорки 2007: 748].

В ритуалах подношения пищи духам предков и божествам, угощения гостей чай первенствует: «А» үзг — эрдмин дееж, / Ааһ ца — идэнэ дееж. ‘Буква «А» — начало уче-

нья, / Чашка чая — начало еды’ [Пословицы, поговорки 2007: 244]. Ср. с бурятской поговоркой: «А» үзэг эрдэмэй дээжэ, / Аяга сай эдээнэй дээжэ, / Мэндэ гээшэ угэ зугаагай / хундэ. ‘Буква А — начало учения, / Чашка чая — начало еды. / Приветствие „мендэ“ разговора / начало’ [Фольклор монгольских народов 2011: 297].

3. Материалы и методы

Темы и мотивы чая представлены в калмыцкой литературе XX в., в прозе, драматургии, поэзии, передавая традиционную модель питания, мировоззрение и мироощущение, этнические приоритеты народа. Есть стихотворения калмыцких поэтов, в которых упоминается или главным героем является этот национальный напиток.

Материалами исследования стали репрезентативные стихотворные тексты, адресованные калмыцкому чаю, созданные представителями разных поколений поэтов на калмыцком и русском языках в фольклорной традиции. Сопоставление при наличии у оригинала русского перевода дано с целью выявить соответствие авторского воплощения средствами иного языка при сохранении фольклорного дискурса.

Сразу отметим, что подобные стихотворения — йорялы чаю, судя по всему, отсутствовали в калмыцкой лирике первой половины прошлого столетия. Не находим их в довоенной и военной периодике калмыцких газет и журналов, в книгах, сборниках, альманахах первой половины прошедшего века. Причин, вероятно, для этого несколько: во-первых, приоритет общественно-политической, агитационно-идеологической, социально-экономической направленности поэзии в период борьбы и построения нового государства; во-вторых, государственная атеистическая политика, связанная с запретом вероисповедания, религиозных праздников и ритуалов; в-третьих, в годы сталинской ссылки невозможность создавать и публиковать произведения на родном языке, в-четвертых, малочисленность писателей, частью репрессированных и уничтоженных, и смена творческих поколений.

После возвращения калмыков на родину в 1957 г. воспевание возрождения коснулось многих сторон действительности, но тема чая по-прежнему оставалась на периферии писательского внимания. Так, в «Хальмг

поэзии» («Антология калмыцкой поэзии», 1962) не было ни одного стихотворения о чае [Хальмг поэзии 1962]. Показательно, что одно из первых стихотворений о калмыцком чае «Цэ» («Чай», 1961) создано Босей Сангаджиевой в 1961 г. Оно вошло в ее вторую книгу «Шүлгүд» («Стихи», 1962) [Саңджин Б. 1962а: 18–19].

Этот гендерный ракурс продолжен позднее в стихах Айсы Бамбаевой [Бамбан А. 1988], Веры Шуграевой [Шугран В. 2008; Шугран В. 2010], Осорин Утнасун [Осорин 2008], Риммы Ханиновой [Ханинова 2010; Ханинова 2011].

Один из немногих рассказов о чае «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1961) написан Бемом Джимбиновым, опубликован тогда же в альманахе «Тегин герл» [Жимбин Б. 1961: 55–57]. Любопытно, что в рассказе монгольский гость в Москве сравнил национальные напитки, отдавая предпочтение калмыцкому угощению.

Обычно в последующих антологиях калмыцкой поэзии также стихи о калмыцком чае уступали в количественном отношении стихам, например, о калмыцком языке или о калмыцкой степи. Так, в «Поэзию Калмыкии», изданную на калмыцком и русском языках в 2009 г., включены стихи Боси Сангаджиевой, Сергея Бадмаева «Хальмг цэ», Ивана Бадма-Халгаева «Жомба», Айсы Бамбаевой «Хотын дееж» [Поэзия Калмыкии 2009: 87; 127, 141–142, 160], в русском переводе «Чай» Санджи Каляева, «Калмыцкий чай» Боси Сангаджиевой [Поэзия Калмыкии 2009: 185, 222]. В двухтомную антологию «Моя Россия, моя Калмыкия!» (2018) вошли русские переводы стихотворений Санджи Каляева «Чай», Михаила Хонинова «Калмыцкий чай», Тимофея Бембеева «Джомба», Веры Шуграевой «Бабушки-калмычки», Николая Санджиева «Джомба», Осорин Утнасун «Калмыцкий чай», а также стихотворение Риммы Ханиновой «Джомба» [Моя Россия 2018а: 24–25, 194–195, 226, 306; Моя Россия 2018б: 35–36, 198, 74–75]. Стихи Владимира Нурова о калмыцком чае опубликованы в оригинале «Хальмг цэ — бурхна ундн» [Нуура В. 2021: 104] и русском переводе [Нуров 2021: 104–105] в альманахе «Дар духовный» в 2021 г.

Подарочное издание о калмыцком чае «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» (2016) составили различные материа-

лы: этнографические, фольклорные, научные, художественные, в том числе избранные стихи поэтов о чае на калмыцком и русском языках.

Что касается собственно фольклорных материалов, то в сборнике «Народное творчество Калмыкии», изданном до войны в русском переводе, нет раздела с благопожеланиями, но в разделе пословиц и загадок приведена известная загадка о калмыцком чае [Народное творчество 1940: 284]. Отсутствовали в подборке благопожеланий записи, адресованные калмыцкому чаю, на страницах довоенного сборника «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор», 1941) [Хальмг фольклор 1941].

В трудах калмыцких ученых, в изданиях калмыцкого фольклора немного йорялов о чае. Так, в сборнике «Хальмг улсин йөрэлмүд» («Калмыцкие народные благопожелания», 2010) собственно «Цээһин йөрэл» («Благопожелание чаю») присутствует в четырех записях от четырех информантов [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16, 58, 135, 154]. При этом упоминание чая есть и в других благопожеланиях, связанных с праздниками Зул и Цаган Сар, адресованных пище — «Хотын йөрэл» («Благопожелание пище»), «Дотрин йөрэл» («Благопожелание субпродуктам») [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 59, 87, 16, 121], в том числе на свадьбе, поминках и т. д. Нет благопожеланий чаю в сборнике «Цацлын дееж (Заздравное слово)», где представлены различные йорялы ойратов Синыцзян-Уйгурского автономного района КНР [Цацлын дееж 1997].

Благопожелания чаю по разным поводам даны в оригинале, а также в русском переводе поэта Василия Чонгонова [Пою степной нектар 2016: 11–15].

Данная тема в калмыцкой поэзии XX в. рассмотрена в указанном аспекте на примере лирики М. Хонинова в статьях Р. М. Ханиновой [Ханинова 2005; Ханинова 2009].

Сравнительно-сопоставительный подход позволит выявить фольклорную традицию благопожелания чаю в стихах калмыцких поэтов разных поколений, а историко-литературный подход позволит определить преемственность традиции и новации авторских аналогов, частность обращения к заявленной теме, индивидуальное своеобразие выявленных образцов в калмыцкой лирике XX в.

4. Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.

4.1. Поэтика заглавия

Прежде всего обратимся к поэтике заглавия, чтобы показать целенаправленное обращение калмыцких поэтов к жанру благопожелания чаю. Из всех выявленных стихотворных текстов на калмыцком языке такая манифестация присутствует в заглавии произведения Андрея Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх» («Пронесут благопожелание чаю», 1984) [Жимбин А. 1984: 4]. Ср. в русском переводе Владимира Савельева иное заглавие «Калмыцкий чай» [Джимбиев 2020: 69]. В стихотворении А. М. Джимбиева, написанном в возрасте шестидесяти лет, — полемика с оппонентами, утверждавшими, что из-за калмыцкого чая может подниматься давление крови. Лирический субъект, защищая свой любимый напиток, напротив, заявлял: *Цевр, чик ухаһарн / Цеңгән күртлән бээдгәр, / Зүркм цуцрлт угаһар / Зу күртлм цокдгәр, / Ааһта цээһән уунав, / Ардаснь дэки келгнэв* 'Чтобы сохранить ум ясным и чистым, пребывая в наслаждении, чтобы сердце без перебоев билось до ста лет, пью пиалу чая, прошу налить следующую' [Жимбин А. 1984: 4]. Если лирический субъект высказал пожелание своим друзьям, в том числе оппонентам о вредности для здоровья такого чая, помянуть его после ухода из жизни сначала калмыцким чаем, а потом уже водкой (*Цаһан әркд биш, / Цээд түрүләд йөрэл тэвх*), то у переводчика звучит иначе: «Друзья меня не водкой белой, / А чаем красным помянут» [Джимбиев 2020: 69]. Речь же идет не о противопоставлении чая водке, а об очередности питья в поминальном обряде калмыков. В благопожелании ушедшему в лучший мир человеку упоминались поминальная еда и подношение, чтобы пар горячей пищи достиг его, чтобы вкушаемое стало аршаном (божественным) для присутствующих [Хальмг улсин йөрәлмүд 2010: 65, 69, 138].

Таким образом, автор, кстати, доживший до преклонных лет, использовал в своем произведении элементы восхваления-магала и благопожелания-йоряла национальному напитку, выразив ментальный характер мироощущения народа.

В калмыцкой лирике XX в. среди заглавий репрезентативных стихотворений на родном языке о чае: единичны «Цэ»

(С. К. Каляев) и «Жомба» (Т. О. Бембеев, Иван Бадма-Халгаев), распространенные «Хальмг цэ» (Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов, Э. И. Тепкенкиев, С. М. Бадмаев), в сочетании со словом «цэ» (С. К. Каляев, Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов), со словосочетанием «хальмг цэ» (М. В. Хонинов), в сочетании со словом «йөрәл» (А. М. Джимбиев). Названия также косвенным образом передают объект и предмет темы чая. Например, кем сваренный чай: «Кермнэ чансн цэ» («Чай, сваренный Кермен») С. К. Каляева, «Ээжин цэ» («Бабушкин чай») Б. Б. Сангаджиевой. Или характеристику чая: «Нарна амтнь — эмтэхнәрн йосн...» («Вкус солнца — настоящий...») М. В. Хонинова, «Хотын дееж» («Подношение пищей») А. Б. Бамбаевой. При этом стихи на калмыцком языке озаглавлены или непосредственно, или по первой строчке. Редко включены в рамку произведения посвящение, место и время создания, нет эпиграфа.

В калмыцкой русскоязычной лирике прошлого столетия калмыцкому чаю адресованы два стихотворения Джангра¹ Насунова — «Чай», «Дядя Федя».

4.2. Фольклорный аспект в благопожеланиях чаю калмыцких поэтов XX в.

Одно стихотворение на калмыцком языке начинается в соответствии с основным йорялом чаю — с пословицы о главенствующей роли чая в модели питания народа. Начало стихотворения Санджи Каляева «Цэ» (1971): *Цэ шиңгн болвчн — / Идәни дееж болдг, / Цаасн нимгн болвчн — / Номин кәлгн болдг* 'Хоть и жидкий чай — начало почетного угощения. Хоть и тонкая бумага — основа книги' [Калян С. 1975: 4]. Ср. в переводе Константина Алтайского стихотворение «Чай» не имеет этих закавыченных четырех строк пословицы [Каляев 1971: 86]. Поэт воздает должное предкам, благословившим этот чай как почетное угощение: *Өвкнрин йөрәһәд үлдәсн / Өлзәтә «Идәни дееж»...* [Калян С. 1975: 4]. Автор передает из калмыцкой степи свою благодарность чаеводам, конкретно из Аджарии, выражая от всего сердца благопожелание труженикам: *Хальмг теегин дундас / Ханлт теднд өргәжәнәв. / Зүркин сәәхн йөрәләс / Зөвтә*

¹ Джангр Насунов — литературный псевдоним В. И. Насунова.

хамгинь тальвжэнава [Калян С. 1975: 4]. Поэтому он, описывая их нелегкий труд, обращается к землякам с просьбой во время питья красного сандалового чая передавать привет грузинским чаеводам: *Улан зандн цээһэн / Ууж суусн цагтан, / Аджарии цэ тарэчдэн / Амһулц мөндинь мөрэдит* [Калян С. 1975: 4]. Здесь определение чая по цвету как красного, подобного сандалу, формульное в фольклоре, в контексте эпитет подчеркивает сакральный статус этого дерева. Также используется колористическое сравнение чая с золотом: *Алтан өңгтэ цээһэн...* [Калян С. 1975: 4]. Эта формула, как и сравнение с солнцем, частотна в стихах калмыцких поэтов о чае. Ср. у переводчика произвольные включения: сравнение с янтарем, дополнения географических координат (Суматра, Цейлон), уточнение (окрестности Батуми), флора (магнолии, розы), а также неточности в показе посуды (стакан, чайник), в приготовлении чая, который варят, а не заваривают: «Заварку в чайник положи...» [Каляев 1971: 86]. В сборнике С. К. Каляева «Сын степей» (1974) тот же перевод К. Н. Алтайского имел иное название «Хвала чаеводу» [Каляев 1974: 28].

Близкое к фольклору описание приготовления чая наблюдаем в каляевском стихотворении «Кермнэ чансн цэ» («Чай, сваренный Кермен»). Так, вес куска масла, который не поднимет ворона, отсылает к эпической традиции: *Керэ даашиго тоста, / Келн ээдрм агта / Кермн күүкнэ жомбаг / Келгүлэд ууһад сууһит*. ‘С маслом, который не поднимет ворона, крепкую, вязущую язык джомбу, сваренную девушкой Кермен, садитесь выпить’ [Калян С. 2005: 55]. Ср. в синьцзянской версии эпоса «Джангар», как указала Т. Г. Борджанова, сохранились формулы приготовления и питья чая богатырями, где упоминается положенный в напиток кусок масла, который может унести в клюве только ворона: *Керэ эрэ даам тос авад*, выпили такой крепкий чай, от которого язык вяжет: *Келн ээдрм цээһэн ууһад* (цит. по: [Борджанова 2007: 371]). Поэт подчеркнул, что чай размешали, как полагается, девяносто девять раз: *Дөчн йис самрсн* [Калян С. 2005: 55]. Ср. калмыцкую поговорку: *Цэ самрх дутман зандрдг*. ‘Чем дольше перемешиваешь чай, тем он становится гуще’ [Пою степной нектар 2016: 618]. См. в той же синьцзянской эпической версии, где чай

помешивали слева направо: *Буру зөв самрад* (цит. по: [Борджанова 2007: 371]).

У поэта те же традиционные красочные определения чая (*улан зандн цэ* ‘красный сандаловый чай’), в то же время на протяжении всего текста (22 строки) встречается разное написание напитка: *цэ* (дважды, без учета заглавия) и *жомба* (дважды). Текст построен на рефрене начальных шести строк в конце стихотворения, синтаксическом параллелизме с парной анафорой, например: *Хальмг чансн цэ / Хайжэ һарвзач — күлэ! / Улан зандн цэ, / Уух дутман — ула!* ‘Калмыцкий сваренный чай не оставляй, не уходи, — подожди! Красный сандаловый чай, желая испить, — пей!’ [Калян С. 2005: 55]. Об этом калмыцкая пословица: *Халулсн хальмг цэ хэржэ ирсн күүкн хойр тоомср уга*. ‘Разогретый чай не так почетен, как и вернувшаяся от мужа дочь’ [Пою степной нектар 2016: 16].

Такой же сюжет приготовления женщиной чая в стихотворении Боси Сангаджиевой «Ээжин цэ» («Бабушкин чай», 1962). Бабушка называет калмыцкий чай почетным угощением: *Хотын деежэ гүһэд / Хальмг цээһэн ууна* [Саңһжин Б. 1962б: 3]. Этой формулы (*хотын деежэ*) нет в переводе «Чай моей бабушки» Наума Гребнева: [Сангаджиева 2018: 267]. Внучка, от имени которой ведется повествование, обращается к читателям, что раскроет им секрет приготовления бабушкиного чая. Она наблюдала, как старая женщина поджарила в котелке две ложки муки на сале, налила воду, бросила щепотку чая, мускатные листья (*затин хамтхас*), добавив соли. Ср. у переводчика: «И лавровый лист кладет» [Пою степной нектар 2016: 24]. См. *зать* ‘мускатник, мускатный орех’ [Манджикова 2007: 17; КРС 1977: 242–243]. Затем старушка вскипятила, размешала чай, заправила сливками, вновь вскипятила, положила ложку сливочного масла. Бабушка, попробовав напиток, удовлетворена результатом: *Келн ээдрм нигтрэ, / Керэ даамар өткрэ* ‘Язык от крепости чая затвердел, чай загустел так, что ворона его поднимет’ [Саңһжин Б. 1962б: 3]. Ср. с подобной формулой из каляевского стихотворения «Кермнэ чансн цэ». Этих бабушкиных слов нет в переводе, вместо кленовой пиалы (*агч ааһ*) указана чашка [Сангаджиева 2018: 277]. В этом стихотворении дана рецептура калмыцкого чая с поджаркой.

Тот же гендерный прием использован Б. Сангаджиевой в стихотворении «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай»), обозначенном автором разными годами — 1961 и 1962. Несколько редакций текста отличаются стилистической правкой и последующим включением посвящения Л. С. Соболеву, тогдашнему председателю Союза писателей РФ, посетившему Калмыкию в середине 1960-х гг. Вначале лирический субъект задается вопросом, что не знает, где и когда появился калмыцкий чай, который готовит каждое утро. Трудно сказать, риторический ли это вопрос, поскольку легенда о происхождении калмыцкого чая достаточно известная. Здесь также показан процесс приготовления напитка, названного *зандрсн цэ* ‘крепкий чай или красный, как сандал’, от слова *зандн*: 1) сандаловый, 2) *перен*. красный (как сандал), 3) крепкий [КРС 1977: 240]. Упомянуты компоненты чая: *давста, устэ, тоста* ‘с солью, молоком, маслом’. Описано угощение приезжего нового гостя чаем, обозначенным традиционной формулой *хотын дееж*. Характеристика гостем незнакомого прежде чая дана в сравнении вкуса напитка с медом, с запахом степных трав, утверждения, что лучше чая он не знал. В продолжение темы угощения автор обратился к читателю, приглашая его к чаепитию, заверяя в дружбе, адрес известен: там, где живет друг степей — калмык. *Мана хайг — хальмгуд, / Мөңк теегин иньгуд* ‘Наш адрес — калмыки, друзья вечной степи’ [Саңһжин Б. 1962а: 19]. В поздней редакции: *Танд хайган илгэнэв: / — Теегин иньг — хальмг!* ‘Отправляю вам адрес: друг степей — калмык!’ [Саңһжин Б. 1986: 13]. В этой редакции актуализирована цитата из пушкинского «Памятника». Ср. в переводе Семена Липкина: «Как нас найти? В степи мы обитаем. / Иль вам напомнить? „Друг степей / калмык...“» [Сангаджиева 1978: 39].

Фантастический сюжет чаепития человека с солнцем развернут в стихотворении Михаила Хонинова «Хальмг цэ уудтан нарн» («Солнце, пьющее калмыцкий чай», 1966), отсылая к такому же сюжету в известном стихотворении В. В. Маяковского о необычном приключении на даче [Хонинов 2009: 227]. Обыгрывая красный цвет солнца, калмыцкий поэт открыл для себя его «тайну»: красный цвет калмыцкого чая повлиял на окраску светила. Фольклорная

традиция чаепития отражена в его обилии, а также в сравнении раскрасневшихся любителей чая с цветом тамариска: *Суха мет улаһад однавидн* [Хоньна М. 1966: 50]. Суха — жидовинник, таволжанка, тамариск [Манджикова 2007: 28].

Такие формульные сравнения присутствуют в эпизодах калмыцкого эпоса «Джангар» при чаепитии богатыря Мингияна и трех богатырей-малышей [Джангар 1990: 111, 280, 148, 335]. Подразумевается, что лирический субъект-поэт сам приготовил чай для солнца. В другом стихотворении М. В. Хонинова «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1971), наоборот, мужчина готовит чай в гостях для друзей-тюменцев. Рамка произведения: Тюмень — 1970 г., с посвящением («Моим друзьям-тюменцам посвящаю»), тогда поэт участвовал в Днях советской литературы в Тюменской области. Такой гендерный подход обусловил приготовление «всесоюзного чая» на сибирской земле. Фольклорный гиперболизм в описании процесса подготовки большого количества калмыцкого чая в огромном котле, разлития его в такую широкую пиалу, которую могут поднять, как в эпосе (*Жаңһрахна баатр-муд*), семьдесят один человек, призван подчеркнуть приоритет главного напитка в угощении и богатырскую силу сибиряков. Поэт уверен, что его чай понравится народам Советского Союза, всем людям при чаепитии произнесут благопожелание: *Цуг Союзд цам таасгдхм, / Цуг амтн уухларн йөрәхм* [Хоньна М. 1971: 26].

Как и Б. Б. Сангаджиева, воздавая похвалу полезным свойствам национального напитка, который утолит жажду в зной и согреет в холод, М. В. Хонинов также перечислил составные компоненты чая (*устэ, тоста, давста* ‘с молоком, маслом, солью’), заверяя, что в этом чае есть и благословение его матери: *Ээжнрин заяснь бээнэ, уутн!* [Хоньна М. 1971: 28]. «Так пейте его на здоровье, / мой чай, / И счастливы будьте, / как счастлив ваш край!» (пер. Алексея Смольникова) [Хонинов 1972: 97].

В другом хониновском стихотворении «Ундн-цээһим эдлит» («Отведайте мой чай-напиток», 1971) — элементы восхваления-магтала калмыцкому чаю, сравнимому с цветом солнца, в характеристике его достоинств (утолит жажду и голод, согреет в холод, подобен аршану — божественно-

му напитку) соседствуют с обязательным благопожеланием хозяевам: *сэн бээһит, / Ундн-цээһэн / өгсн улс* 'Живите в благополучии, люди, угостившие чаем' [Хоньна М. 1971: 94]. Если у Б. Б. Сангаджиевой вкус калмыцкого чая позиционируется со вкусом меда, степных трав, то в стихотворении М. В. Хонинова «Нарна амтнь — эмтэхнэрн йосн...» («Вкус чая настоящий...», 1978) [Хоньна М. 1978: 22] вкус чая метафорически соотнесен со вкусом солнца, обозначая связь человека и природы, солярную символику в верованиях кочевников.

Санжара Байдыев актуализировал соленость чая, без которого не понять вкус национального напитка: *Даслт болжс одсн / агта хальмг цэ / Давсн уга болхла, / Амтнь нанд медгдхи* 'Привыкший к крепкому калмыцкому чаю, когда в нем нет соли, его вкус мне непонятен' [Байдын С. 1963: 35]. Ср. в переводе Д. М. Долинского и В. А. Стрелкова: «Калмыцкий чай. / Я привык к нему, / Ароматному, / розовому, / как рассвет. / Только вкус его истинный я не пойму, / Если соли, соли в нем нет» [Байдыев 2000: 317].

Поэт сравнил вкус чая со вкусом жизни, в которой настоящее счастье можно узнать в сравнении с несчастьем. В одном из восьмистиший С. Л. Байдыев, акцентируя народное гостеприимство, указал на взаимосвязь доброты и пищи: *Санан-сэн седклэр йовсн болхла, / Самржасн улан цээлэ харһхч* 'Если идешь с добрыми помыслами, всегда встретишься с красным чаем, который помешивают' [Байдын С. 1968: 27], т. е. с угощением. Но если у тебя иные помыслы, ни к кому не заходи, иди прочь: *Кемр талдан ухата йовсн болхла, / Кендһурчн орлго, хажуһар давич* [Байдын С. 1968: 27]. Ср. в переиначенном переводе Д. М. Долинского: «Если с добрыми мыслями входишь, запомни тогда, / По преданью калмыцкому, к чаю поспеешь всегда. / Ну, а если закончился чай, ты не верь, что не ждут / — Доброта и тепло никогда не кончаются тут» [Байдыев 2000: 339].

Ср. в стихотворении монгольского поэта Дожоогийна Цэдэва «Юрта в Великой Гоби», где путник, найдя в пустыне юрту, чтобы утолить жажду: «увидел порядок в распахнутой юрте, / Даже чай кипяченый еще был горяч. / Так считают в народе: /

Если путник заходит / И отведаст чая — радость в дом принесет» (пер. Анатолия Парпары) [Из монгольской 1981: 234].

В раннем непритязательном по содержанию и форме стихотворении «Хальмг цэ» (1963) Эрнест Тепкенкиев, воздав хвалу национальному напитку (придает силы, дает отдых), использовал те же формульные определения чая (*цээһин идэн, зандн улан цэ*), подчеркнул аромат чая от положенного в него мускатного ореха, от которого обильный пот выступает: *Затин унрнь дааврта, / Заядар көлс харһна* [Төвккин Э. 1963: 21].

Такие формулы также частотны в народном йоряле, например: *Кезэ чигн улан цээһэн ууж / Көлсән харһж, маңна тиньгр* 'попивая красный чай, с потным лбом' [Пою степной нектар 2016: 12]. См. об этом и в стихах Б. Б. Сангаджиевой, М. В. Хонинова и др. Э. И. Тепкенкиев закончил свои размышления риторическими вопросами: *Иим сээхн хотыг / Эдлгө харч болдв? / Ирэд харсн күүг / Үүгэр тоолго бээдв?* 'Разве можно уйти, не попробовав такой прекрасной еды? Разве можно не угостить ею гостей?' [Төвккин Э. 1963: 21].

С произведением Э. И. Тепкенкиева перекликается стихотворение Сергея Бадмаева с тем же названием, с теми же характеристиками чая, но более подробными в художественных средствах. Здесь сливки и масло, придающие густоту и крепость чаю, с запахом мускатного ореха и солью любимый чай сандалового цвета. От его аромата капает слюна с языка, при виде красноватого чая душа отдыхает: *Каңкисн үнринь соңсхнь / Келнәсм шүлсн асхрна. / Зандрсн өңгинь үзхнь / Заядар седклм амрна* [Бадмин С. 1975: 77]. Когда болит голова, после калмыцкого чая словно отдыхаешь. Пью, чуть остудив, красный сандаловый чай, славлю благоуханную калмыцкую степь: *Улан зандн цээһэн / Ууринь харһад уунав. / Уурхан саң теегән / Урмдын өргэд магтнав* [Бадмин С. 1975: 77]. Как у Э. И. Тепкенкиева и Б. Б. Сангаджиевой, звучит приглашение читателям на чаепитие, пожелание стать друзьями. Ведь двери просторной степи заранее распахнуты, крепкий калмыцкий чай уже готов: *У теегин үүдн / Урдаснь белн, секәтә. / Зандрсн хальмг цэ / Зуух деер нерәтә* [Бадмин С. 1975: 77].

4.3. Благопожелание джомбе калмыцких поэтов XX в.

Два стихотворения начала 1990-х гг. Т. О. Бембеева и И. С. Бадма-Халгаева имеют одинаковое заглавие «Жомба» («Джомба»). Такой чай фигурирует в простой калмыцкой загадке: *Үсэр үслнэв, / Ухрап тослнэв, / Хальмпр тэвэд, / Халуһар уунав. Жомба* 'Молоком заправлю, масло ложкой кладу, положив гвоздику, горячим пью. Джомба' [Пою степной нектар 2016: 17].

У Т. О. Бембеева семейный сюжет, как в стихотворении Б. Б. Сангаджиевой «Ээжин цэ» («Бабушкин чай»), но это уже чаепитие с мамой. *Ааһд жомба кенэд / Аакм тэвэд оркхла — / Нарн деернь көвэд, / Намчрад сээхн одхла* 'Когда мама, приготовив джомбу, нальет в пиалу, солнце на поверхности, расплываясь, узорчато плывет' [Бембин Т. 1994: 27]. Переводчик Олег Дмитриев пояснил эту метафору («Солнца лик — кружочек золотой»), т. е. кусочек масла в чае [Бембеев 2005: 33]. Когда же выпьешь джомбы, внутри у тебя — смотри! — солнце радугой переливается всеми цветами: *Дотрм нарн — хэлэ! — / Доһлң эмгэнэһар солһһрна* [Бембин Т. 1994: 27]. Поэт использовал метафорическое обозначение радуги — *доһлң эмгн* ('неполная радуга') вместо слова *солң*. Прием психологического параллелизма (пение жаворонка, звуки домбры и гармошки) акцентирует гармонию человека с природой; этот художественный прием не использован при переводе. Заключительная строфа связывает лирического субъекта-поэта с матерью, равной для него солнцу, вдохновляющей его на творчество: он просит ее вновь налить ему джомбы. В этом плане стихотворение Т. О. Бембеева близко стихотворению М. В. Хонинова «Солнце, пьющее калмыцкий чай» темой поэзии.

Ранее Т. О. Бембеев перевел на калмыцкий язык стихотворение бурятского поэта Цыдена-Жапа Жимбиева «Ааһ цэ» («Пиала чая», 1966) со сходными мотивами и фольклорными формулами: гостю преподнесут прежде всего пиалу с чаем (*Түрүлэд танд ааһ цэ бэрүлх*), чай (хоть без молока, хоть с молоком, хоть с сахаром) нужно пить горячим (*Халуһар цэһинь уутн*), чай назван почетным угощением (*идэн*): «А» *үзг эрдмин эк гидмн, / Ааһ цэ идэни дееж болдмн* [Жимбиев 1966: 52] 'Буква «А» — начало знания, пиала чая — почетное угощение'.

В то же время мотив первенства чая над водкой перекликается со стихотворением А. М. Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх»: *Үнднь келхлэ, уусн / ааһ цэ / Үнтэ гисн аркэс / деер гихч* 'По правде говоря, пиала выпитого чая лучше дорогой водки' [Жимбиев 1966: 52].

И. С. Бадма-Халгаев в своем стихотворении «Жомба» так же, как Б. Б. Сангаджиева, задался риторическим вопросом, когда появился калмыцкий чай, как он стал почетным угощением. Поэт использовал вслед за С. К. Каляевым («Кермнэ чансн цэ») фольклорные формулы о вороне и масле, о крепости чая: *Керэ даам тосар тослгдсн, / Келн ээдрм агта цэм!* 'Мой чай, с куском масла, который может поднять ворона, такой крепкий, что вяжет язык!' [Бадм-Хаалһин И. 1993: 3]. Здесь те же ключевые слова о чае как об аршане (*сепрэ аршан* 'освященный напиток'), главной пище (*һоллгч идэнь*), о его перемешивании (*самрх*), о пользе (*эрүл-менд*) для молодых и старых. По сравнению с рецептурой чая в других стихах калмыцких поэтов тут упоминаются такие пряности, как гвоздика и перец (*хальмпр, бури*). Национальную принадлежность чая калмыкам заключают строки, в которых утверждается неповторимость напитка, звучит приветствие гостям от людей, живущих по этому обычаю, степных калмыков: *Иим сонһн идэһар болхла, / Ирсн гиһчэн тосхла — тавта, / Тер заңиалар бээдг улс — / Теегин хальмгуд болдгнь лавта!* [Бадм-Хаалһин И. 1993: 3].

«Хотын дееж» («Подношение пищей») А. Б. Бамбаевой начинается с приготовления чая. По признанию лирического субъекта, не знает лучшей еды, ведь у калмыков чай в большом почете. Молодой поэт заключил: *Хальмг цэһэн тевчж, / Хотын дееж гинэ* 'Почитая калмыцкий чай, говорят: «подношение пищей»' [Бамбан А. 1998: 24].

4.4. Благопожелание чаю в калмыцкой русскоязычной лирике XX в.

Одно из программных стихотворений «Чай» (1971) русскоязычного поэта Джангра Насунова открывало первую книгу «Голоса расстояний» (1971). «Средь многих яств его мы отмечаем», — сразу заявил он. Подтвердил первоочередность напитка в национальной модели питания на примере собственного деда: «Не потому ль повсюду

и везде, / Не пригубив живительного чая, / Мой дед не прикасается к еде?» [Насунов 1971: 5]. Если во второй строфе вначале чай традиционно позиционируется как угощение, украшение стола, то там же появляется исторический экскурс власти: «И хан бывал намного человечней, когда ладони грела пиала» [Насунов 1971: 5]. Через тактильную метафору («ладони грела пиала») передана чайная церемония: чай всегда пили горячим. Психологически поведение властелина тоже объяснимо: известно влияние еды на настроение, самочувствие человека. Современный ракурс в третьей строфе явлен мирной картиной отдыхающих за чаем чабанов. В такой временной и пространственной амплитуде (история — современность, хан — дед — чабаны) эксплицитно явлена тема сибирской ссылки, в которой оказалась семья будущего поэта в декабре 1943 г. Эта же тема в стихотворении «Дядя Федя», где автор понимающе вспоминал грусть своей бабушки: «Без хлеба я неделю продержусь, / А вот без чая столько не сумею» [Насунов 1971: 19]. Семейный сюжет также расширен за счет истории о русском соседе, дяде Феде, обменивавшем на базаре свой паек и новые калоши на плитку чая для калмыцкой семьи. Интересна метафора, представленная словно кинематографическими средствами: «А чай входил, он был уже в сенях, / И дядя Федя вырос у порога: „Я чай принес. Я был вчера в Ложках, / Но, правда, чай надпиленный немного“» [Насунов 1971: 19].

Вещь (прессованный плиточный чай) и человек с вещью-чаем появляются в тексте за кадром и в кадре. Следует панорама, приходят соседи. Это не просто совместное чаепитие, это ностальгия по степной родине, отставленной не по своей воле. Поэтому так пронзительны эти строки, передающие цвет и запахи родного края ключевыми маркерами: «Тот чай калмыцкий, купленный в Ложках, / Был словно дождь негаданный в пустыне. / Он солнцем грел, и степью он пропах, / Кизячным дымом, запахом полыни» [Насунов 1971: 19]. Текст, также датированный 1971 г., имеет посвящение «В. Сидорову». Московский поэт Валентин Сидоров написал предисловие ко второй книге калмыцкого поэта. Дружба русского и калмыцкого народа, выдержавшая проверку историей и временем, передавала голоса расстояний.

Сибирский локус этого стихотворения пересекается с сибирским локусом стихотворения «Калмыцкий чай» М. В. Хонинова, также отбывавшего ссылку в период сталинских репрессий против калмыцкого народа.

5. Заключение

Стихи, адресованные национальному напитку, в калмыцкой лирике XX в. созданы на родном языке и на русском (Д. Насунов). Выявленные тексты представителей разных поколений были написаны во второй половине прошлого столетия. Ранее таких примеров, в том числе и в жанре поэмы, не наблюдаем по разным причинам, указанным выше. Анализ стихотворений с главным героем-чаем показал ту или иную связь с фольклорным жанром — благопожеланием чаю (*цээд тэвх йөрэл*), сопровождавшим календарные и семейные обряды, значимые события в жизни человека. Сохраняя эту преемственность, калмыцкие поэты создавали свои произведения, включая ключевые слова (*йөрэл, магтал, улан зандн цэ, хальмг цэ, жомба, холлгч идэн, аршан, ааһ, үсн, тосн, давсн*), формульные выражения (*хотын дееж, самрх, халун уур, эрул-менд, сэн бээтн, керэ даам тоста, келн ээдрм агта*), образы, цветовые сравнения (с солнцем, золотом, тамариском), вкусовые (вкус меда, солнца, трав), метафоры, разнообразные сюжеты — семейные, гостевые, исторические, фантастические, с разными лирическими субъектами в гендерном дискурсе. Поэтика заглавия выражена по-разному: собственно названием или по первой строчке; среди заглавий: «Цэ», «Жомба», чаще «Хальмг цэ», а также в сочетаниях со словом *цэ*, словосочетанием *хальмг цэ*, иными наименованиями. Рама произведения не имела эпиграфов, редко датирована, сопровождалась иногда посвящением (Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов, Д. Насунов). Композиция обычно небольших текстов в основном была линейной, реже кольцевой, временной диапазон — прошлое и современность. Фантастический ракурс в стихотворении М. В. Хонинова «Хальмг цэ уудгтан нарн» — чаепитие с солнцем, элементы разных жанров — разговора, благопожелания, похвалы. Сибирский контекст ссылки народа имплицитно явлен в стихах М. В. Хонинова «Хальмг цэ» и Д. Насунова «Чай», «Дядя Федя». Кал-

мыцкая поговорка о первенстве чая и бумаги открывала стихотворение С. К. Каляева «Цэ». Часть стихотворений строится на обращении к читателю. Отсутствие же обращения к божествам, характерного и для жанра благопожелания чаю, в стихах калмыцких поэтов объясняется цензурой, атеистической направленностью поэзии тех лет. Нет сюжетов на тему легенд о создании калмыцкого чая. «Легенда о калмыцком чае» Владимира Бамбаева не принимается

нами во внимание ввиду низкого художественного уровня по форме и содержанию [Дар духовный 2021: 265–266]. Большинство текстов о чае отвечают традиционной системе стихосложения, некоторые же стихи М. В. Хонинова построены «лесенкой».

Фольклорный аспект благопожелания чаю в калмыцкой лирике начала нового столетия показал преемственность традиции в творчестве поэтов разных поколений.

Литература

- Бадмин С. 1975 — *Бадмин С.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Теегин герл. 1975. № 3. X. 77.
- Бадм-Хаалһин И. 1993 — *Бадм-Хаалһин И.* Жомба (= Джомба) // Хальмг үнн. 1993. Лу сарин 27. X. 3.
- Байдыев 2000 — *Байдыев С. А.* Избранное: стихи. Элиста: Джангар, 2000. 436 с.
- Байдын С. 1963 — *Байдын С.* «Даслт болж одсн агта хальмг цэ...» (= «Привыкший к крепкому калмыцкому чаю...») // Байдын С. Нерэдлһн: шүлгүд болн поэм (= Посвящение: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. X. 35.
- Байдын С. 1968 — *Байдын С.* «Ут хаалһдчн зуур хотн харһхла...» (= «Если встретится тебе на долгом пути хотон...») // Теегин герл. 1968. № 2. X. 27.
- Бамбан А. 1998 — *Бамбан А.* Хотын дееж (= Первинки пищи) // Бамбан А. Түрүн дурн (= Первая любовь): шүлгүд. Элст: Жаңһр, 1998. X. 24.
- Бембеев 2005 — *Бембеев Т.* Джомба // Бембеев Т. О. На уровне сердца: стихи и поэма. Элиста: Джангар, 2005. С. 33.
- Бембин Т. 1994 — *Бембин Т.* Жомба // Умшлһна дегтр: эклц классмудин сурһульһнрт нерэдгджәнэ (= Книга для чтения 1–4 классов). Элст: Жаңһр, 1994. X. 27.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 224 с.
- Дар духовный 2021 — *Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост. Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова.* Элиста: [б. и.], 2021. 272 с.
- Джангар 1990 — *Джангар.* Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 475 с.
- Джимбиев 2020 — *Джимбиев А.* Калмыцкий чай // Джимбиев А. М. Избранное: Неиссякаем бытия исток... Элиста: РИА «Калмыкия», 2020. С. 69.
- Жимбиев 1966 — *Жимбиев Ц.-Ж.* Ааһ цэ (= Пиала чая) // Теегин герл. 1966. № 1. X. 52.
- Жимбин А. 1984 — *Жимбин А.* Цээд йөрэл тэвх (= «Произнесут благопожелание чаю...») // Хальмг үнн. 1984. Декабрин 5. X. 4.
- Жимбин Б. 1961 — *Жимбин Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Теегин герл. 1961. № 2. X. 55–57.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 196 с.
- Из монгольской 1981 — *Из монгольской поэзии XX века / пер. с монг., сост. Г. Михайлов.* М.: Худож. лит., 1981. 278 с.
- Каляев 1974 — *Каляев С.* Хвала чаеводу // Каляев С. К. Сын степей: стихотворения и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. С. 28.
- Каляев 1971 — *Каляев С.* Чай // Каляев С. К. Восходит день. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 86.
- Калян С. 2005 — *Калян С.* Кермнэ чансн цэ (= Чай, сваренный Кермен) // Калян С. Теегин булг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2005. X. 55–56.
- Калян С. 1975 — *Калян С.* Цэ (= Чай) // Хальмг үнн. 1975. Январин 16. X. 4.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева.* М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Хальмг орс терминологическ толь (урһмлмудын болн мал-адусна нерэдлһн) (= Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с.
- Мифы, легенды 2017 — *Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер.,*

- вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. И. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Моя Россия 2018а — Моя Россия, моя Калмыкия: Антология поэзии Калмыкии в 2 тт. Т. 1 / сост. Э. А. Эльдышев, предисл. Б. А. Бичеева. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. 352 с.
- Моя Россия 2018б — Моя Россия, моя Калмыкия: Антология поэзии Калмыкии в 2 тт. Т. 2 / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. 320 с.
- Народное творчество 1940 — Народное творчество Калмыкии / сост. И. Кравченко. Сталинград; Элиста: Областное изд-во, 1940. 314 с.
- Насинова 2014 — *Насинова Г. Э.* Чай, молоко в жизни калмыцкого этноса. Элиста: Джангар, 2014. 128 с.
- Насунов 1971 — *Насунов Д.* Голоса расстояний. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 62 с.
- Нуров 2021 — *Нуров В.* Калмыцкий чай — напиток богов // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104–105.
- Нуура В. 2021 — *Нуура В.* Хальмг цэ — бурхна ундн (= Калмыцкий чай — напиток богов) // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104.
- Обрядовый фольклор 1993 — Обрядовый фольклор калмыков / сост., вступ. ст., коммент. Н. Ц. Биткеева. Элиста: Санан, 1993. 79 с.
- Осорин 2008 — *Осорин У.* Калмыцкий чай // Осорин У. Зимний цветок. Стихи на калм. и рус. яз. Элиста: Джангар, 2008. С. 98.
- Пословицы, поговорки 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Синьцяна / сост., перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
- Пою степной нектар 2016 — «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: РИА «Калмыкия», 2016. 192 с.
- Поэзия Калмыкии 2009 — Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. / гл. ред. Д. Б. Дорджиева. Элиста: Герел, 2009. 352 с.
- Сангаджиева 1978 — *Сангаджиева Б.* Калмыцкий чай // Сангаджиева Б. Б. Калмыцкий чай. Стихотворения и поэмы. М.: Сов. Россия, 1978. С. 38–39.
- Сангаджиева 2018 — *Сангаджиева Б.* Чай моей бабушки // Сангаджиева Б. Б. Избранное: стихи, поэмы. М.: Арг-Книга, 2018. 432 с.
- Саңһжин Б. 1962а — *Саңһжин Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Саңһжин Б. Шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1962. Х. 18–19.
- Саңһжин Б. 1962б — *Саңһжин Б.* Ээжин цэ (= Бабушкин чай) // Хальмг үнн. 1962. Декабрин 2. Х. 3.
- Саңһжин Б. 1986 — *Саңһжин Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Саңһжин Б. Мини жирһлм — мини теегм (= Моя жизнь — моя степь): шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1986. Х. 12–13.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Төвкнкин Э. 1963 — *Төвкнкин Э.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Хурц үг. Шинэс бичжэх 16 поэтрин шүлгс (= Острое слово. Стихи 16 молодых поэтов) / Бүрдэгч Хоньна М. (Сост. М. Хонинов). Элст: Хальмг госиздат, 1963. Х. 21.
- Фольклор монгольских народов 2011 — Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. Элиста: Джангар, 2011. 444 с.
- Хальмг поэзин 1962 — Хальмг поэзин антолог (= Антология калмыцкой поэзии) / бурдәһэчнр Калян С., Мацга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 304 х.
- Хальмг улсин йөрәлмүд 2010 — Хальмг улсин йөрәлмүд (= Калмыцкие народные благопожелания) / сост., вступ. статья М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор (= Калмыцкий фольклор) / Бүрдэж кеснь, нүр үгинь болн темдгүдинь бичсь Лежнэ Ц., Шалвра Г. (Составление, предисловие, примечания Ц. Леджинова, Г. Шалбурова). Элст: Хальмг госиздат (Калмгосиздат), 1941. 461 х.
- Ханинова 2009 — *Ханинова Р. М.* Разговор с солнцем в лирике Владимира Маяковского, Давида Кугультинова и Михаила Хонинова // Художественный мир Давида Кугультинова: сб. науч. тр. Элиста: Калм. ун-т, 2009. С. 24–35.
- Ханинова 2011 — *Ханинова Р.* Джомба // Байрта. 2011. 31 марта. С. 3.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р.* Чай и пиала // Калм. ун-т. 2010. 8 апреля. С.3.
- Ханинова 2005 — *Ханинова Р. М.* Семиотико-культурологический концепт еды в вос-

- точном дискурсе: чай и чигян в творчестве Михаила Хонинова // Юг России: взаимодействие народов и культур. Сб. науч. ст. Элиста: Джангар, 2005. С. 129–140.
- Хонинов 1972 — *Хонинов М.* Калмыцкий чай // Хонинов М. В. Все начинается с дороги: стихи и поэмы. М.: Современник, 1972. С. 95–97.
- Хонинов 2009 — *Хонинов М.* Солнце, пьющее калмыцкий чай // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. / гл. ред. Д. Б. Дорджиева. Элиста: Герел, 2009. С. 227.
- Хоньна М. 1978 — *Хоньна М.* «Нарна амтнь — эмтэхнэрн йосн...» (= «Вкус солнца — настоящий...») // Хоньна М. Төрскнүрм бичэ хатн: шүлгүд болн шүлгэр бичсн түүк. (= Не стреляйте в Родину мою: стихи и повесть в стихах). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1978. Х. 22.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Эрэсэн теңгр дор: шүлгүд болн поэм (= Под небом России: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1971. 171 х.
- Хоньна М. 1966 — *Хоньна М.* Хальмг цэ уудгтан нарн (= Солнце, пьющее калмыцкий чай) // Хоньна М. Цаһан-Нуурин айсмуд: шүлгүд (= Цаган-Нурские мотивы: стихи). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1966. Х. 50.
- Цацлын дееж 1997 — Цацлын дееж. Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хүрмин йосн (= Заздравное слово. Благопожелания, восхваления и свадебный обряд калмыков Синьцзяна) / бүрдэгч Н. Содмон (Составитель Н. Содмон). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1997. 174 х.
- Шугран В. 2008 — *Шугран В.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) / Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. Х. 245–246.
- Шугран В. 2010 — *Шугран В.* Хальмг эмгд (= Бабушки-калмычки) // Шугран В. Шүлглен. (Поэзия) Элст: Герел, 2010. Х. 76.

References

- Badmaev S. (Badmin S.) Kalmyk tea. *Teegin gerl.* 1975. No. 3. P. 77. (In Kalm.)
- Badma-Khalgaev I. (Badm-Khaalyin I.) Jomba. *Khal'mg ünn.* 1993, February 27. P. 3. (In Kalm.)
- Baidyev S. (Baidyn S.) 'If you happen to meet a settlement on your way ...'. *Teegin gerl.* 1968. No. 2. P. 27. (In Kalm.)
- Baidyev S. (Baidyn S.) 'Strong Kalmyk tea is [my old] habit ...'. In: Baidyev S. (Baidyn S.) The Nomination. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. P. 35. (In Kalm.)
- Baidyev S. A. Selected [Writings]: Poems. Elista: Dzhangar, 2000. 436 p. (In Kalm.)
- Bambaeva A. (Bamban A.) Food offering. In: Bambaeva A. (Bamban A.) The First Love. Poems. Elista: Dzhangar, 1998. P. 24. (In Kalm.)
- Bardakhanova S. S., Gypilova S. D. (comps.) Folklore of Mongols: Studies and Texts. Vol. 2: Buryat Folklore. Elista: Dzhangar, 2011. 444 p. (In Russ.)
- Basaev D. E. (comp.) The Seven Stars [of Ursa Major]: Kalmyk Legends and Tales. Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) 'Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea'. Elista: RIA Kalmykia, 2016. 192 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bembeev T. (Bembin T.) Jomba. In: Primary School Reader. Elista: Dzhangar, 1994. P. 27. (In Kalm.)
- Bembeev T. Jomba. In: Bembeev T. O. At the Heart Level. Poems. Elista: Dzhangar, 2005. P. 33. (In Kalm.)
- Bitkeev N. Ts. (comp.) Kalmyk Ritual Folklore. Elista: Sanan, 1993. 79 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Study and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Burykin A. A., Kuzmina E. I., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) Kalmyk Myths, Legends and Tales. T. Basangova, T. Mikhaleva (text prep., foreword, etc.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dordzhieva D. B. (ed.) Poetry of Kalmykia: Anthology. Elista: Gerel, 2009. 352 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dzhimbiev A. (Jimbin A.) Tea well-wishing be recited. *Khal'mg ünn.* 1984, December 5. P. 4. (In Kalm.)
- Dzhimbiev A. Kalmyk tea. In: Dzhimbiev A. M. Selected [Writings]: The Inexhaustible Source of Being... Elista: RIA Kalmykia, 2020. P. 69. (In Russ.)
- Dzhimbinov B. (Jimbin B.) Kalmyk tea. *Teegin gerl.* 1961. No. 2. Pp. 55–57. (In Kalm.)
- Eldyshev E. A. (comp.) My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia's Poetry. In 2 vols. Vol. 1. B. Bicheev (foreword). Elista: Amursanan National Library of Kalmykia, 2018. 352 p. (In Russ.)

- Eldyshev E. A. (comp.) My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia's Poetry. In 2 vols. Vol. 2. Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. 320 p. (In Russ.)
- Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. 272 p. (In Kalm. and Russ.)
- Erdni-Goryaev M. E.-G. (comp.) Kalmyk Well-Wishing Verses. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 160 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 475 s. (In Kalm. and Russ.)
- Jimbiev Ts.-J. The bowl of tea. *Teegin gerl*. 1966. No. 1. P. 52. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.) [Kalmyk] tea cooked by Kermen. In: Kalyaev S. (Kalyan S.) The Steppe Spring. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. Pp. 55–56. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.) [Kalmyk] tea. *Khal'mg ünn*. 1975, January 16. P. 4. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) Kalmyk Poetry: Anthology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. 304 p. (In Kalm.)
- Kalyaev S. Praised be tea grower. In: Kalyaev S. K. The Son of Steppe. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1974. P. 28. (In Russ.)
- Kalyaev S. Tea. In: Kalyaev S. K. The Day Arises. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. P. 86. (In Kalm.)
- Khaninova R. Jomba. *Bayrta*. 2011, March 31. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Conversation with the Sun in lyric poems by Vladimir Mayakovsky, David Kugultinov and Mikhail Khoninov. In: The Poetic World of David Kugultinov. Collected papers. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2009. Pp. 24–35. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Semiotic and culturological concept of food in Oriental discourse: Tea and chigyan (fermented milk) in Mikhail Khoninov's works. In: South Russia — the Meeting Point of Ethnic Groups and Cultures. Collected papers. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 129–140. (In Russ.)
- Khaninova R. Tea and bowl. *Kalmytskiy universitet*. 2010, April 8. P. 3. (In Russ.)
- Khoninov M. (Khonina M.) 'Taste of the Sun be finest of all ...'. In: Khoninov M. (Khonina M.) Don't Shoot at My Motherland. Poems and novel. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. P. 22. (In Kalm.)
- Khoninov M. (Khonina M.) The Sun to drink Kalmyk tea. In: Khoninov M. (Khonina M.) Melodic Motifs of Tsagan Nur. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. P. 50. (In Kalm.)
- Khoninov M. (Khonina M.) Under the Sky of Russia. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 171 p. (In Kalm.)
- Khoninov M. Kalmyk tea. In: Khoninov M. V. It All Begins with the Path. Poems. Moscow: Sovremennik, 1972. Pp. 95–97. (In Russ.)
- Khoninov M. The Sun to drink Kalmyk tea. In: Dordzhieva D. B. (ed.) Poetry of Kalmykia: Anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 227. (In Russ.)
- Kravchenko I. (comp.) Folk Culture of Kalmykia. Stalingrad, Elista: [Kalmyk Autonomous] Oblast [Book] Publ., 1940. 314 p. (In Russ.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnā Ts.), Shalburov G. (Shalvra G.) (comps.) Kalmyk Folklore. Elista: Kalmgosizdat, 1941. 461 p. (In Kalm.)
- Mandzhikova B. B. Kalmyk-Russian Terminological Dictionary: Flora and Fauna. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. 98 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mikhaylov G. (comp.) Twentieth-Century Mongolian Poetry. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. 278 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nastinova G. E. Tea, Milk in Kalmyk Ethnic Life. Elista: Dzhangar, 2014. 128 p. (In Russ.)
- Nasunov D. The Voices of Distance. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 62 p. (In Russ.)
- Nurov V. (Nuura V.) Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. P. 104. (In Kalm.)
- Nurov V. Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. Pp. 104–105. (In Russ.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. The Winter Flower. Poems. Elista: Dzhangar, 2008. P. 98. (In Kalm. and Russ.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. Pp. 18–19. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) My Fortune — My Steppe. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1986. Pp. 12–13. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Mother's tea. *Khal'mg ünn*. 1962, December 2. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. B. Kalmyk Tea. Poems. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. Pp. 38–39. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. My grandmother's tea. In: Sangadzhieva B. B. Selected [Writings]: Poems. Moscow: Argo-Kniga, 2018. 432 p. (In Russ.)

- Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 245–246. (In Kalm.)
- Shugraeva V. (Shugran V.) To a Kalmyk old woman. In: Shugraeva V. (Shugran V.) Poetry. Elista: Gerl, 2010. P. 76. (In Kalm.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 174 p. (In Russ.)
- Tepkenkiev E. (Tövkkin E.) Kalmyk tea. In: Khoninov M. (Khonina M.) (comp.) The Sharp Word: New Poems by Sixteen Poets. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. P. 21. (In Kalm.)
- Todaeva B. Kh. (comp.) Kalmyks of Russia and Oirats of Xinjiang: Proverbs, Sayings and Riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm. and Russ.)
- Viktorova L. L. Mongols: Ethnic and Cultural Backgrounds. Moscow: Nauka — GRVL, 1980. 224 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Mongolian Traditional Culture: Categories and Symbols. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 196 p. (In Russ.)

